

Л. В. АНГЕЛОВСКАЯ
(Сыктывкар)

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСИ УСТЬ-ЦИЛЕМСКИХ СТАРИН В КОНТЕКСТЕ МЕСТНОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. В настоящей работе предпринята попытка представить записи усть-цилемских старин, сделанные в ходе экспедиций Сыктывкарского государственного университета в 2005—2007 гг. от двух исполнительниц, через сопоставление с ранее записанными от них текстами, рассмотреть их былинный репертуар, а также учесть ближайший эпический контекст, сравнив с текстами родственников и предполагаемых «учителей».

Ключевые слова: Усть-Цильма, эпическая традиция, былина, вариант, сюжет, мотив, сказитель, «учитель — ученик».

Усть-Цилемский район Республики Коми (селения по средней Печоре и ее притокам Пижме, Цильме, Нерице) уже второй век привлекает исследователей фольклора своей самобытностью и разнообразием жанров. Яркой особенностью традиционной культуры Усть-Цилемского края является бытование редкого в наши дни, практически исчезнувшего, жанра былин, или старин, как их здесь называют.

Открытие Усть-Цильмы как эпического центра было сделано Н. Е. Ончуковым в 1901 г., и с того времени фольклористы посещали этот край, прежде всего, с целью записи былин. Выход в свет первых томов «Свода русского фольклора» [Былины Печоры 2001] освобождает нас от подробной характеристики среднепечорских сюжетов и истории собирания старин. Основные выводы о репертуаре усть-цилемской былинной традиции сложились, а в настоящее время, когда большая редкость услышать даже пересказ или фрагмент былины, новых сюжетов, разумеется, мы записать не надеялись.

Еще А. М. Астахова по материалам экспедиций 1929 и 1955 гг. констатировала факт угасания былинного эпоса на Печоре, приводя численное соотноше-

ние: 21 сюжет из Усть-Цильмы с ее окрестностями и с Пижмы в 1929 г. и 12 сюжетов из тех же мест вместе с записями из селений по р. Цильме в 1955 г. [Былины Печоры и Зимнего берега 1961, 25]. И если первые экспедиции подтверждали живое бытование былин на Печоре [Былины Севера 1938, 16], то уже в 1955 г. было отмечено их постепенное исчезновение из активного бытования. На протяжении второй половины XX в. собиратели, работавшие на средней Печоре, говорили о том, что в целом былины как жанр уже забывались. Очень многие исполнители, с трудом припоминая сюжет, ссылались на отца, дядю и т. п., от которых они слышали когда-то былинку, но теперь многое уже не помнили [Еремина и др. 2001, 117].

Во время фольклорных экспедиций Сыктывкарского государственного университета в Усть-Цилемский район в 2005—2007 гг. собирателям посчастливилось записать фрагменты старин от двух известных исполнительниц былин — Евдокии Малафеевны Мяндиной из с. Заможная (р. Пижма) и Апполинии Никитичны Рочевой из с. Трусово (р. Цильма). В настоящей работе мы попытались представить эти записи через сопоставление их с ранее записанными от этих исполнительниц текстами, а также учесть ближайший эпический контекст, сравнив с текстами родственников и предполагаемых «учителей». Необходимо отметить, что, за исключением комментариев к опубликованным записям и биографических сведений, данных во втором томе «Свода русского фольклора» [Былины Печоры 2001, т. 2, 548, 562—563], специального обращения исследователей эпоса к творчеству Е. М. Мяндиной и А. Н. Рочевой не было.

Евдокия Малафеевна Мяндина (1927—2006), уроженка д. Абрамовская, принадлежит к известному роду пижемских сказителей Чупровых: от ее отца Малафея Ивановича Чупрова записывались старина «Бутман» и эпическая песня о Скопине¹, кроме того, она приходится двоюродной племян-

¹ См. былинку, записанную от него, и биографические сведения: [Былины Печоры 2001, т. 2, № 226; т. 2, 579].

ницей известнейшему певцу, Еремею Провичу Чупрову, которого она также считала своим учителем². Начиная с 1978 г. от Евдокии Малафеевны были зафиксированы старины «Илья Муромец и Сокольник», «Бутман» и пересказ былины об исцелении Ильи Муромца³. Записи были сделаны как в сольном исполнении, так и при совместном пении с мужем, Романом Михайловичем Мяндиным.

В 2005 г.⁴ мы застали Евдокию Малафеевну не совсем здоровой. Она пересказала несколько стихов старины о бое Ильи Муромца с сыном и даже попыталась напеть их, но спуталась, и наши попытки записать былинку были оставлены. В результате этой встречи мы получили 5 фрагментов-пересказов этой былины от 3 до 12 стихов. Также был записан фрагмент старины о Бутмане без напева, состоящий из 23 стихов, и прозаического пересказа, в который вошел зачин из «Ильи Муромца и Сокольника». В тексте присутствуют неоправданные повторы, вызванные плохой памятью исполнительницы, а также подмена героев (так, в пересказе вместо царя появляется Илья Муромец, который позволяет Бутману пить безденежно). Однако, как это часто случается, механизм воспоминания был запущен, и при нашей следующей встрече Евдокия Малафеевна сама начала петь былинку. В итоге было зафиксировано еще 3 фрагмента (пробы) былины «Илья Муромец и Сокольник» с напевом от 2 до 12 стихов и пересказом и 2 фрагмента старины о Бутмане, в каждом из которых исполнительница также сбивалась на пересказ (с напевом в первом варианте исполнено 7 стихов, во втором — 30).

Несомненно, сложно сопоставлять записи, сделанные от исполнителя в расцвете его творческих возможностей

² См. былины, записанные от него, и биографические сведения: [Былины Печоры 2001, т. 1, № 70, 81, 88; т. 2, № 205, 216, 217, 222, 227, прил. IV, № 2; т. 2, 573—575].

³ Записи МГУ 1978 г. [Там же, т. 1, № 92, 93; т. 2, № 230, 231], СыктГУ 1987 г. [Бильчук и др. 1995, № 1, 8; Былины Печоры 2001, т. 2, прил. V, № 1, 4].

⁴ Запись вели Л. В. Ангеловская, А. И. Васкул, Т. С. Канева.

Еремей Прович Чупров, д. Боровская, 1965 г. Фото из книги «Былины Печоры» (СПб.; М., 2001. Т. 2)

и больного пожилого человека. Однако и такой анализ представляет определенный интерес.

Так, при сравнении разновременных тестов былины о бое Ильи Муромца с сыном, сделанных от Е. М. Мяндиной, мы видим, что варианты, записанные в 1978 и 1987 гг., сюжетно достаточно стабильны, при этом присутствующее варьирование в целом принципиально не меняет картины, а показывает реальную жизнь текста.

Тексты 1970—80-х гг. содержат от 62 до 136 стихов. Меньшее количество стихотворных строк в записи 1978 г. [Былины Печоры 2001, т. 1, № 92] вызвано нарушением музыкальной формы исполнения за счет прозаических вставок. Вариант содержит все основные сюжетные мотивы, характерные для пижемского извода былины, лишь иногда меняется порядок их следования. Например, мотив угрозы Сокольником пошуметь-погромить в Киеве переставлен в эпизод встречи Ильи Муромца с сыном как объяснение цели приезда Сокольника — обычно в печорских вариантах эта угроза прописана в грамоте, которую Сокольник подкидывает к шатру Ильи. Однако такое местоположение данного эпизода в былине сохраняется

Евдокия Малафеевна Мяндина, с. Замезная, 2005 г. Фото из фольклорного архива СыктГУ

и в более поздней записи от Е. М. Мяндиной⁵, что, очевидно, говорит об индивидуальных особенностях ее текста.

В прозаических вставках этого варианта встречаются поздние по характеру рационалистически-бытовые⁶ и психологические мотивировки: случайная встреча и бой отца с неузнанным сыном объясняется тем, что враги (татары) взяли в плен его мать, и Сокольник вырос на чужбине, где его «воспитали, против отца настроили»; возможность нападения Сокольника на спящего Илью Муромца объясняется бегством перепуганных слуг Ильи, считающих, что «старого» победили (этот мотив присутствует и в одной из последующих записей от Евдокии Малафеевны [Бильчук и др. 1995, № 1], а также в последней записи былины, сделанной от Еремея Чупрова [Былины Печоры 2001, т. 1, № 88]). Кроме того, в пересказе имеется оригинальный сюжетный эпизод, положительно характеризующий сына Ильи: увидев большую силу трехлетнего Сокольника, татарин стал

⁵ См. [Былины Печоры 2001, т. 1, № 93; т. 2, прил. V, № 4].

⁶ По определению Ю. А. Новикова: [Там же, т. 1, 715] (примечания к былине).

«ласкаться» к его матери, но Сокольник выхватил стрелу татарина и защитил мать. Возможно, по этой причине в вариантах Е. М. Мяндиной нет мотива расправы Сокольника над матерью.

Увеличение объема другой записи 1978 г. [Там же, т. 1, № 93] до 136 стихов можно объяснить перенесением мотива, обычно характеризующего Илью Муромца, на Сокольника: у последнего, как и у Ильи, рука дважды останавливается, когда он хочет убить отца (то же видим и в одном из вариантов Евдокии Малафеевны, записанном в 1987 г. [Там же, т. 2, прил. V, № 4]), а также более подробным изложением некоторых мотивов. Например, мотив выбора Ильей поединщика Сокольникову. Однако, несмотря на то, что кандидатуру богатыря Мишки Торопанишки Илья отвергает («Торопанишка роду торопливого, / Ни за что потеряет буйну голову»), а Добрыня Никитич («роду вежливого») и Алеша Попович («роду справедливого») одобряются, на поединок едут все они по очереди. Ни Торопанишка, ни Добрыня не вызвали ответного приветствия Сокольника и вернулись ни с чем. Алеша, услышав о цели приезда Сокольника «пошуметь да погромить во стольном Киеве», начинает ругать его, чем вызывает ответный гнев. В этом эпизоде исполнительница путается в именах богатырей, иногда называя Мишку Торопанишку «Поповицем», что также говорит о «сбое» в исполнении этого эпизода.

Записи этой былины, сделанные СыктГУ в 1987 г., имеют все основные сюжетные мотивы с развернутыми формулами и эпическими повторами, сохраняют многие особенности, присущие усть-цилемским вариантам былины: последовательное изложение типического эпизода утренних сборов Ильи Муромца; описание ландшафта, который Илья видит в «трубочку подозорную». Один из вариантов [Там же, т. 2, прил. V, № 4] отличается подробно разработанными мотивами, что в целом сказалось на объеме старины (например, угроза Сокольника Киеву насчитывает 11 стихов, в более ранних текстах — 3–6 стихов). В этом мотиве присутствуют редкие строки «Мелку силушку я под меч возьму, / Крупну силушку я

Пример 1

Недалеко от Киева за двенадцать вёрст,
Стояла там застава богатырская,
Не велика, не мала — ровно тридцать
три богатыря
[ФА СыктГУ 03137-43].

Недалеко от Киева, да за двенадцать
вёрст,
Стояла там застава богатырская,
Не велика, не мала — тридцать
три богатыря
[Былины Печоры 2001, т. 1, № 92].

во плен возьму»⁷. Другая запись этого же года совместного с мужем исполнения заканчивается пересказом, открывающим новые подробности: Евдокия Малафеевна говорит о том, что Сокольнику было всего 12 лет, когда он боролся с отцом: «...Сыну всего 12 лет было, уже с самим старым боролся...» [Бильчук и др. 1995, № 8]. Нужно отметить, что некоторые исполнители также указывают на юный возраст поединщика, но именно этот возраст встречается в пересказе окончания былины, записанной от двоюродного дяди Евдокии Малафеевны Е. П. Чупрова: «...он только был двенадцети еще лет, но он уже отца своего все-таки преодолел» [Былины Печоры 2001, т. 1, № 88].

В записях былины 2005 г. (напомним: всего 8 фрагментов) налицо разрушение текста. Стихотворные фрагменты состоят из 1—4 редуцированных мотивов: зачин (застава богатырская), утренние сборы Ильи Муромца (встает, умывается, одевается, молится), Илья смотрит в трубочку подозрную, Сокольник едет-забавляется.

Традиционное для пижемского извода начало былины — описание заставы⁸ — встречается в двух фрагментах и состоит из 3 стихов; в этом же количестве стихов мотив реализовывался и в ранее записанных вариантах, ср.: пример 1.

Эпизод утренних сборов Ильи передан лаконично, элементы, в него входящие, лишь констатируют действия героя (на каждое из них приходится по одному стиху):

Как встает да старой да поутру
рано,
Умывается старой да ключевой водой,
Одевается старой да тихохонько,
Богу он молился не помножеску
[ФА СыктГУ 03137-43а].

Лишь в двух вариантах наблюдается конкретизация действий Ильи благодаря перечислению надеваемых им вещей [Там же, 03142-2, 03142-4], и именно в этом мотиве в наибольшей степени проявляется владение исполнительницей эпической стилистикой:

Как встает старой да поутру рано,
Умывается старой да ключевой водой,
Одевается старой да он тихохонько,
Умывается старой да он легохонько.
Он козловы сапоги да на тонкой
чулок,
Пуховую шубу на одно плечо,
Соболину шубу на одно ушко
[Там же, 03142-2].

В другом фрагменте Евдокия Малафеевна исправляется:

Одевается старой да он легохонько,
Пуховую шубу на одно плечо,
Соболину шляпу на одно ушко
[Там же, 03142-4].

Эта подмена эпитетов («пуховая шуба» вместо «соболиной», «соболина шапка» вместо «пуховой») встречается и в некоторых более ранних записях, сделанных от этой исполнительницы, ср.:

А козловы сапоги да на белы ноги,
Соболину шапку да на одно ушко
[Былины Печоры 2001, т. 1, № 93].

С точки зрения сохранности былинного стиля интересен также мотив стрельбы Сокольника в чистом поле, ср.: пример 2.

Таким образом, несмотря на очевидное разрушение текста, фрагменты

⁷ Ср. у Л. Т., М. М., А. Л. Чупровых: «Крупную силу я повыбью всю, / Мелкую силу я повыгоню» [Былины Печоры 2001, т. 1, № 82].

⁸ Интересно заметить, что подобное описание заставы практически дословно совпадает с описанием в вариантах Л. Т. Чупрова (см., например: [Там же, т. 1, № 80]).

Пример 2

Видит он в поле богатыря:
Богатырь ездит стрелой постреливает,
На сыру землю не уранивает,
На лету стрелу подхватывает
[ФА СыктГУ 03137-45].

А видит старой да там богатыря,
Ездит старой на большом коне,
А стрелою богатырь-от постреливает,
На лету стрелу да он подхватывает,
На сыру землю да не уранивает
[Былины Печоры 2001, т. 2, прил. V, № 4].

«Ильи Муромца и Сокольника» 2005 г. в целом характерны для исполнительской манеры Е. М. Мяндиной. Нельзя сказать, что сюжетные мотивы, воспроизводимые Евдокией Малафеевной, являются особенно значимыми или, тем более, присущими именно этой исполнительнице. Позволим себе предположить, что повторение начальных мотивов «Ильи Муромца и Сокольника» (сборы старого — 8 вариантов) является попыткой певицы «запустить» механизм эпической памяти. Видимо, понимая, что спела недостаточно правильно, она каждый раз возвращается к началу былины, пытаясь «выстроить» текст «как надо». Свои неудачные попытки исполнительница завершает комментариями типа «что еще сказать-соврать, прости, Господи; не ожидала я вас», «напугаю вам», «да уж сама заметила, что вру», и главный конфликт былины оказался изложенным ею лишь в пересказе. Однако и этот, кажущийся неполноценным, текст-«припоминание» дал интересную деталь: Е. М. Мяндина дважды называет здесь Сокольника Оди́хмантьевым сыном. Этот факт ставит перед нами еще один вопрос, нуждающийся в специальном рассмотрении, — о специфике местного репертуара и возможном влиянии на него книги⁹.

Другой сюжет, записанный в том же году от этой исполнительницы, — «Бутман» — является местным поздней-

шим новообразованием. Его герой — пьяница, который в прошлом помог царю, за что в итоге получает позволение «пить вино безденежно-беспечечно»¹⁰. Несмотря на то, что образ героя старины уступает классическим богатырям, на Печоре, а особенно на Пижме, где она, вероятно, и сложилась, это была не менее популярная старина, чем известнейшая на всем Русском Севере былина о бое Ильи Муромца с Сокольником.

Имеется 4 ранее записанных от Евдокии Малафеевны варианта этого произведения [Былины Печоры 2001, т. 2, № 230, 231, прил. V, № 1; Бильчук и др. 1995, № 1]. В целом тексты характерны для местной традиции, они — учитывая небольшой объем этой старины — достаточно полные, стабильные, сохраняют все основные мотивы сюжета. Кроме того, более поздние варианты являются и более распространенными: записи 1978 г. состоят из 18—27 стихов и краткого пересказа, 1987 г. — от 38 до 41 стиха с пересказом. Варианты 1987 г. отличаются еще и тем, что имеют традиционный зачин «Рассказати-то вам да про малого, / Как про малого да все удалого»¹¹ (более ранние записи старины начинаются с мотива питья Бутманом в кабаке: «Часто ходит Бутман да во царев кабак, Он помногу пьет да зелена вина...»)¹².

Один из вариантов «Бутмана» [Былины Печоры 2001, т. 2, прил. V, № 1] Евдокия Малафеевна исполнила совместно со своим мужем, Романом

⁹ В пределах печорской традиции «Оди́хмантьев сын» встречается только в двух нижнепечорских текстах («Исцеление Ильи Муромца» (контаминация с сюжетом «Илья Муромец и Соловей-разбойник») и «Сухман» [Былины Печоры 2001, т. 1, № 53; т. 2, № 195]), записанных от одного исполнителя — Т. С. Кузьмина (д. Тельвиска Нарьян-Марского района). В примечаниях к данным текстам Ю. А. Новиков указывает, что в репертуаре этого сказителя имеется много книжных по происхождению былин [Былины Печоры 2001, т. 2, 468].

¹⁰ О народной симпатии к этому персонажу см.: [Власов 2001, 160—163].

¹¹ Как вариант встречается зачин «Как про бедного сказать, да всё про белого, / Про удалого сказать да добра молодца» (например: [Былины Печоры 2001, т. 2, № 220].

¹² То же видим и в варианте И. К. Чупрова, д. Боровская [Там же, т. 2, № 232], ср.: «Часто ходит Бутман да во царев кабак, / Помногу пьет зелена вина».

Пример 3

Р. М. Мяндин:

Часто ходит Бутман да во царёв кабак,
Он помногу пьёт да зелена вина,
Он помногу пьёт да зелена вина,
Пьёт не рюмками и не стаканами,
Пьёт-откупыват он бочки-сороковочки
[Бильчук и др. 1995, № 3]*.

Дуэт:

Часто ходит Бутман да во царёв кабак,
Он помногу пьёт да зелена вина,
Он помногу пьёт да зелена вина,
Пьёт не рюмками да не стаканами —
Пьёт, откатывают он бочки
да сороковочки
[Былины Печоры 2001, т. 2, прил. V, № 1].

Пример 4

Е. М. Мяндина:

Приказал тут князь да привести к ему
Горьку пьяницу да на почестен пир
[Бильчук и др. 1995, № 1].

Дуэт:

Приведите вы да горьку пьяницу,
Приведите его да на почёсен суд
[Былины Печоры 2001, т. 2, прил. V, № 1].

Михайловичем Мяндиным¹³. Для печорской эпической традиции характерно пение дуэтами, чаще всего близких родственников — братьев, сестер, супругов, отца и сына, когда один пел былинку, а другой подпевал. Интересно, что с течением времени изменилась манера совместного пения. Еще Н. П. Колпакова отмечала, что женщины только подпевали своим мужьям, подтягивая концовки стихов, а самостоятельно исполнить старину не могли [Колпакова 1957, 252]¹⁴. Иную картину мы видим при анализе текстов семейного дуэта Мяндиных. Нужно отметить, что из четырех записей «Бутмана» от Евдокии Мяндиной 3 являются сольными, причем сольные варианты качественно не уступают совместно исполненному тек-

сту; от Романа Михайловича помимо совместной имеется одна сольная запись [Бильчук и др. 1995, № 3], в которой начиная с мотива приказа царя схватить Бутмана исполнитель сбился на пересказ.

Сопоставив тексты сольного исполнения старины Евдокии Малафеевны [Былины Печоры 2001, т. 2, № 230, 231; Бильчук и др. 1995, № 1], сольного исполнения Романа Михайловича [Бильчук и др. 1995, № 3] и их совместного исполнения [Былины Печоры 2001, т. 2, прил. V, № 1], мы заметили следующее.

В тексте, записанном от Романа Михайловича, отсутствует зачин («Расскажати вам про малого...»); в то же время в начальных стихах о питии Бутмана в кабаке имеется повтор стиха, это же наблюдается и в совместно исполненном варианте: пример 3.

В вариантах, записанных от Евдокии Малафеевны в сольном исполнении и при пении в дуэте с супругом, практически дословно совпадает мотив приказа царя привести Бутмана: пример 4.

В этих же вариантах содержатся мотивы выпивания чары Бутманом и вопроса царем Бутмана, отсутствующие в тексте Романа Михайловича.

В то же время «совместный текст» несколько отличается от сольных вариантов Евдокии Малафеевны: царь здесь именуется «солнышком», как и в сольном варианте Романа Михайловича, где Мяндин называет царя «красным солнышком». Однако в сольных вариантах Е. М. Мяндиной, где она, очевидно, не испытывала «влияния» мужа, царь ста-

* Необходимо отметить, что данный прием (повтор некоторых стихов) является характерным для текстов Л. Т. Чупрова (д. Боровская) (см., например, [Былины Печоры 2001, т. 1, № 91; т. 2, № 221]).

¹³ Нужно сказать, что сведений о Р. М. Мяндине чрезвычайно мало, нет никаких упоминаний о том, является ли он продолжателем какой-либо сказительской династии; скорее всего, Роман Михайлович приобщился к сказительскому исполнительству благодаря своей жене и ее знаменитой родне. На это указывают и воспоминания Е. М. Мяндиной. Эпосоведы располагают лишь двумя записями от Р. Мяндина — старины о Бутмане, одна из которых исполнена совместно с женой [Бильчук и др. 1995, № 3; Былины Печоры 2001, т. 2, прил. V, № 1].

¹⁴ Это подтверждается, например, манерой исполнения супругов Леонтия Тимофеевича и Анны Лукичны Чупровых, см.: [Былины Печоры 2001, т. 2, № 228].

Пример 5

Дуэт:

Как зовёт, еси, да *царь*
наш, солнышко
 На почётен пир к себе
 в полатуши...
 [Былины Печоры 2001,
 т. 2, прил. V, № 1].

Р. М. Мяндин (пересказ):

Вы забыли, *князь* (столь-
 нокиевский), да *красно сол-*
нышко, кто от бедушки от
 татарской нечистой тебя
 повыручил, кто (победуш-
 ку) тебе выполнил
 [Бильчук и др. 1995, № 3].

Е. М. Мяндина:

Уж ты гей еси, Иван
 Васильевич,
 Часто ходит к нам да
 во царёв кабак,
 Часто ходит к нам
 да горька пьяница
 [Бильчук и др. 1995, № 1]*.

бильно носит ни в чьих текстах более не встречающееся имя Иван Васильевич: пример 5.

В совместно исполненной старине присутствует редкий мотив боязни слуг, позволяющий объяснить решение не просто схватить Бутмана, как было приказано царем, а пригласить его на царский пир¹⁵:

Как пошли тут слуги во царёв кабак,
 А детинуша в плечах — коса сажень,
 Побоялись тут его расстраивать,
 Как пошли они ему предложили:
 «Как зовёт, еси, да царь наш солнышко
 На почётен пир к себе в полатуши»
 [Былины Печоры 2001, т. 2, прил. V, № 1].

Этот мотив встречается и в прозаической концовке сольного варианта Р. М. Мяндина: «...Как они посмотрели, испугались его. Как он пошёл к царю: Собирайтесь вы со мной, да горьки пьяницы, попьём. К князю да на почётен пир...» [Бильчук и др. 1995, № 3].

Влияние варианта Р. М. Мяндина на «совместный текст» ощущается также и в подробностях изложения мотивов питья Бутмана в кабаке, похвалы Бутмана. Кроме того, в «совместный вариант» включен мотив зазывания друзей на пир к царю, отсутствующий в сольных вариантах Евдокии Малафеевны. Текст, записанный от Романа Михайловича, содержит факультативный элемент в окончании старины, имеющийся и в

* То же см. в записях от Е. М. Мяндиной 1978 г.: [Былины Печоры 2001, т. 2, № 230, 231].

¹⁵ Этот мотив встречается в вариантах Л. Т. Чупрова [Там же, т. 2, № 228, 229]. Ср.: Пошли тут его слуги верные,
 Хотели его сковать-связать,
 Стали говорить ему:
 «Ой еси ты, добрый молодец!
 Зовет вас Владимир-князь на почестен пир».

(Хотел его связать, да нельзя его было связать: большой, ядерный был) [Там же, т. 2, № 229].

варианте, исполненном совместно с женой: царь выкупает вещи Бутмана, заложённые в кабаке. Видимо, на создание такого текста оказали влияние былины «Василий Игнатьевич» и «Илья Муромец и голи»¹⁶. Все варианты старины, записанные от Евдокии Малафеевны, заканчиваются отказом Бутмана от подарков и просьбой пить безденежно.

В процессе расшифровки «совместного варианта» мы заметили, что Евдокия Малафеевна позволяет супругу быть ведущим, «встраиваясь» в его текст; не характерные для своего текста стихи не поет (в этом случае Роман Михайлович солирует); нередко целый стих, общий для их вариантов, они пропевают вместе. Однако если Роман Михайлович замолкает, не зная продолжения, Евдокия Малафеевна берет инициативу на себя, продолжая старину по своему варианту, и тут муж или подпевает ей, или она поет одна:

— Ты забыл, еси, да во... *во большом бою*
 Кто татар **тебя да хто повызволил,**
 Тучу чёрную да хто повыгубил?
 — *Я награжу тебя, да три града те дам,*
Три града те дам да с пригородками.
 — *Мне не надобно три града*
с пригородками,
Разреши мне пить-гулять да всё
безденежно,
 Ой, безденежно да безрасчётливо¹⁷.

Таким образом, нельзя однозначно сказать, кто из супругов влиял больше на «выстраивание» теста при совместном исполнении: здесь Евдокия

¹⁶ Те же мотивы в окончании «Бутмана» встречаются лишь в записи 1902 г., сделанной Н. Е. Ончуковым от Тараса (фамилия не указана) в с. Усть-Цильма. См.: [Былины Печоры 2001, т. 2, № 215].

¹⁷ Обычным шрифтом обозначена «партия» Р. М. Мяндина, курсивом — Е. Л. Мяндиной, жирным шрифтом — совместное пение.

Пример 6

Запись 2005 г.:

Погодились тут да люди царские,
Люди царские да слуги придворные,
Они скоро пошли, царю доложили:
«Гей еси, Иван Васильевич!
Ходит к нам да во царёв кабак
Горька пьяница да беспросыпная,
Своей силушкой да похваляется,
Над тобою он да насмехается»
[ФА СыктГУ 03142-3].

Запись 1978 г.:

Погодились тут люди царские,
Люди царские, слуги придворные,
Они скоро пошли, царю доложили:
«Уж ты гей еси, Иван Васильевич!
Ходит к нам во царёв кабак горький
пьяница,
Своей силушкой похваляется,
Над тобою насмехается...»
[Былины Печоры 2001, т. 2, № 230].

Малафеевна не просто подпевает мужу, как, например, Анна Лукична Чупрова¹⁸, а выступает равноправным исполнителем, часто беря на себя инициативу и являясь «ведущей». Это отражается и в самостоятельном тексте: Евдокия Малафеевна чувствует себя увереннее мужа, ее варианты старины являются более полными и цельными, чем сольный вариант Романа Михайловича.

Записи старины о Бутмане 2005 г. от Е. М. Мяндиной имеют все признаки разложения текста. Как уже было отмечено, старина устойчиво начинается с эпизода, привнесенного из былины «Илья Муромец и Сокольник»: «старуи встает, умывается, молится богу, одевается» (всего 3—4 стиха). Мотивы собственно «Бутмана» следующие: Бутман ходит в кабак (зачин) — 4 стиха, похвальба Бутмана — 1 стих, донос слуг царю — 6—8 стихов (в одной из записей этот мотив за счет неоправданных повторов — Евдокия Малафеевна, очевидно, сразу забывала, что спела, — разросся до 22 стихов), выпивание чары, допрос Бутмана царем, напоминание Бутмана о его помощи царю, упоминание о драке с татарами, разрешение пить безденежно — пересказы. Напомним, что в 2005 г. старина о Бутмане была записана трижды: 1 вариант без напева (23 стиха и прозаический пересказ) и 2 варианта с напевом (7—30 стихов, дополненные пересказом). Несмотря на явную неполноценность этих текстов, в некоторых мотивах, например, в доносе слуг царю, сохраняется характерное эпическое оформление, ср.: пример 6.

Как мы видим, отрывки практически идентичны, эпическая форма сохранена, и почти не обнаруживается раз-

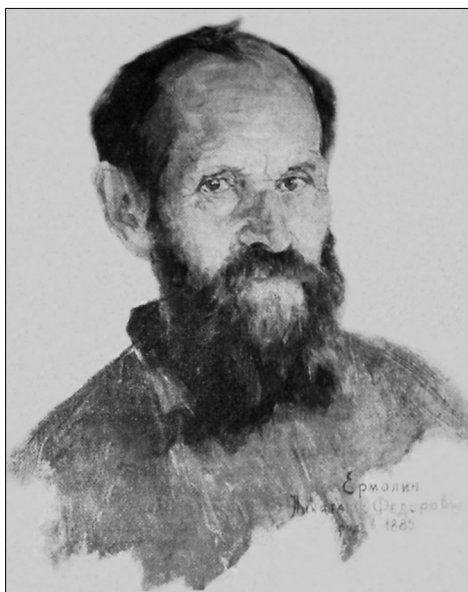
¹⁸ См., например: [Былины Печоры 2001, т. 2, № 228].

ночтений. Следовательно, несмотря на фрагментарность текстов, записанных в 2005 г., былинная стилистика в какой-то мере сохраняется, что показывает жизнь текста во времени.

В 2007 г. филологи Сыктывкарского университета встречались с еще одной сказительницей — Апполиной Никитичной Рочевой, 1925 г. р., уроженкой д. Трусово (р. Цильма), дочерью сказителя Никиты Федоровича Ермолина, известного еще по записям былин и песен экспедиции ИРЛИ РАН 1955 г. Его былинный репертуар насчитывал 4 сюжета: «Добрыня Никитич и змей», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Чурилла Пленкович и Катерина», «Соловей Будимирович»¹⁹. От отца А. Н. Рочева усвоила только былину о Чурилле. Имеется 4 публикации этой былины в ее исполнении: записи Д. М. Балашова (1964 г.) [Былины Печоры 2001, т. 1, № 162], филологов МГУ (1978, 1980 гг.) [Там же, т. 1, № 163, 164], СыктГУ (1988 г.) [Бильчук и др. 1995, № 16].

Былина о Чурилле и Катерине — одна из популярнейших на Русском Севере, имеется большое количество как старых, так и относительно новых ее записей. В печорской редакции служанка принимает сторону обманутого мужа, и настоячивые попытки Чурилы подкупить ее заканчиваются безрезультатно. Пермьята без колебаний убивает Чурилу, но готов простить жену «во первой вины». Однако героиня отказывается от примирения, провоцируя мужа на расправу. В комментариях к этой былине Ю. А. Новиков указывает, что мест-

¹⁹ Публикации былин и краткие сведения об исполнителе см.: [Былины Печоры 2001, т. 1, № 14, 62, 161; т. 2, № 169; т. 2, 542—543].

Никита Федорович Ермолин, с. Трусово. С картины художника Л. В. Коргузалова. Фото из книги «Былины Печоры и Зимнего берега» (М.; Л., 1961). С. 125

ные сказители избегают детализации и развернутых описаний, предпочитая скоротечные, драматические диалоги. Даже троекратные повторы (попытки Чурилы подкупить служанку, «допрос» жены о вещах Чурилы) не вызывают замедления действия, а способствуют предельному обострению ситуации, подготавливают эмоциональные взрывы и решительные, бескомпромиссные поступки героев [Былины Печоры 2001, т. 1, 752].

Необходимо сказать, что все тексты «Чурилы» («Старины о неверной жене», по определению исполнительницы), ранее записанные от Апполинаруии Никитичны, стабильны, содержат от 40 до 53 стихов. Лишь запись 1988 г. состоит из 24 стихов, так как певица опустила эпизод, в котором Чурила пытается подкупить служанку Пермяты [Бильчук и др. 1995, № 16]²⁰. Промежуток времени в 24 года (1964—1988 гг.) практически не повлиял на качество былины; варианты А. Н. Рочевой почти дословно совпадают; незначительные вариации касаются употребления частиц и предлогов, изменений некоторых окончаний слов;

²⁰ Запись от исполнительницы сделана в больнице.

Апполинурия Никитична заменяла также названия подарков, которые Чурила предлагает служанке Пермяты²¹. Во время исполнения былины в 1978 г. [Былины Печоры 2001, т. 1, № 163] Рочева слегка сбилась, что привело к неоправданному повтору мотива одаривания, за счет чего объем старины увеличился до 53 стихов. В финальной части записи 1980 г. [Там же, т. 1, № 164] опущена сцена уличения жены Пермяты в неверности — обманутый муж сразу находит Чурилу и срубает ему голову.

В 2007 г. былину о Чуриле и неверной жене в исполнении Апполинурии Никитичны дважды записали сыктывкарские фольклористы Т. С. Канева, Ю. Н. Ильина, во второй раз — при участии В. В. Головина из Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. В отличие от последних записей Е. М. Мяндиной тексты А. Н. Рочевой несколько не потеряли в своей художественности и качественно не ухудшились. Полнота их очевидна и по объему — 41—43 стиха, и по стабильной передаче всех сюжетных мотивов. Более того, только в записях 2007 г. [ФА СыктГУ 03228-4, 03233-26] мотив одаривания Чурилой служанки появляется трижды (в более ранних текстах упоминаются два из трех подарков — см. прим. 23). При сопоставлении этих двух вариантов можно заметить, что текст былины очень устойчив, варьирование происходит больше на уровне перестановки слов (*разделся-разулся — разулся-разделся; твою вину великую — вину твою великую*), иногда изменяется форма слова (не надо *шубеечки* да *цигейковой* — не надо *мне шубеечка* да *цигейкова; ле востру сабельку — да саблю вострую; колечко да золочёное — колечко да позолочено*), форма начальных конструкций (*А пойду я — Как пойду я; А вернее всего — Мне дороже всего*). Одна из записей [ФА СыктГУ 03233-26] заканчивается характерным для вариан-

²¹ «Башмачки позолочены в пятьдесят рублей, шубейку во пятьсот рублей» [Былины Печоры 2001, т. 1, № 162] / «сережочки с подвосточкой в двадцать пять рублей, шубейку в пятьдесят рублей» [Там же, т. 1, № 163] / «сапожки сафьянные в пятьдесят рублей, шубейку за пятьсот рублей» [Там же, т. 1, № 164].

тов Апполинаруи Никитичны стихом: «И срубил ей Пермьета да буйну голову»²², другая [ФА СыктГУ 03228-4] — его пересказом. В обоих вариантах есть стих «И срубил он Пермьеты да буйну голову», где перепутано имя героя (Пермьета вместо Чурилы).

В рамках текстологического анализа вариантов А. Н. Рочевой мы посчитали необходимым сравнить эти записи с текстами Н. Ф. Ермолина, ее отца. Это сопоставление позволило подтвердить сведения о преемственности исполнительского мастерства. Варианты обоих сказителей относятся к цилемскому изводу печорской редакции сюжета. Сюжетная последовательность мотивов и их количество примерно одинаковы. Однако один мотив в варианте отца имеет нехарактерное местоположение. Укор служанки повторяется дважды: в первый раз он вставлен перед эпизодом прихода Чурилы в дом Пермьеты, и, соответственно, дважды изображена попытка Чурилы подкупить служанку все более ценным подарком. Кроме того, только в текстах этих двух исполнителей встречаются в качестве предлагаемого подарка «сережочки с подвесочкой», не отмеченные в «Предметном указателе» к печорским томам Свода русского фольклора [Былины Печоры 2001, т. 2, 667—766].

Из сопоставления всех записей, полученных от А. Н. Рочевой, можно сделать заключение, что певица достаточно твердо следует «своему» тексту, некоторое варьирование (сокращение и развертывание стихов, появление дополнительных мотивировок и новых подробностей) не выводит эпическую песню за границы ее стиля. По классификации А. М. Астаховой, Апполинаруи Никитичну Рочеву можно отнести к типу сказителей, перенявших текст

²² Данная былина в среднечорских записях может иметь другое окончание: 1) Пермьета разрывает жену на части и бросает в чистом поле на растерзание зверям [Былины Печоры 2001, т. 1, № 153]; 2) Пермьета убивает жену (разрывает на части / срубает голову) и женится на служанке [Былины Печоры 2001, т. 1, №№ 154, 155, 160]; 3) Пермьета отсекает жене руки и губы [Былины Печоры 2001, т. 1, № 157]; 4) Жена говорит Пермьете, что должна быть с любимым [Былины Печоры 2001, т. 1, № 161].

Апполинаруи Никитична Рочева, с. Трусово, 2007 г. Фото из фольклорного архива СыктГУ

совершенно или почти точно и в таком же виде их передающих [Былины Севера 1938, 71]. По ее воспоминаниям, А. Н. Рочева неоднократно слышала исполнение былин от своего отца; хорошая память и очевидная склонность к неимпровизационному изложению освоенного текста, вероятно, и оказали влияние на формирование такой сказительской манеры.

Оценивая записи усть-цилемских старин 2000-х гг., стоит обратить внимание на сам репертуар: популярная на Печоре былина о встрече Ильи Муромца с сыном, пажемское былинное новообразование о пьянице Бутмане и старина балладного характера о Чуриле и неверной жене — все они имеют небольшой объем и определенную социальную направленность. Учитывая, что исполнителями настоящих записей являются женщины, можно предположить, что именно их исполнительские пристрастия определили столь длительную на общем фоне сохранность данных сюжетов.

Таким образом, можно сказать, что экспедиции последних лет не безуспешны с точки зрения поиска дополнительных данных по истории бытования эпоса. Записи старин, сделанные Сыктыв-

карским университетом в 2005—2007 гг. (в первую очередь это касается текстов А. Н. Рочевой), являются полноценным дополнением к корпусу ранее записанных вариантов былин, что позволяет вовлекать их в научный оборот.

Литература

Бильчук и др. 1995 — Бильчук А. А., Власов А. Н., Захаров А. Н., Мехреньгина З. Н. Памятники русского песенного эпоса в фольклорном архиве Сыктывкарского государственного университета // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 28. Эпические традиции. СПб., 1995. С. 258—289.

Былины Печоры 2001 — Былины Печоры: в 2 т. / изд. подгот. В. И. Ереминой, В. И. Жекулиной, В. В. Коргузаловым, А. Ф. Некрыловой. Коммент. Ю. А. Новикова; отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2001. (Свод русского фольклора: Былины в 25 т. Т. 1—2).

Былины Печоры и Зимнего берега 1961 — Былины Печоры и Зимнего берега: Новые записи / изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961. («Памятники русского фольклора»).

Былины Севера 1938 — Былины Севера / зап., вступит. ст. и коммент. А. М. Астаховой. В 2 т. Т. 1. Мезень и Печора. Л., 1938.

Власов 2001 — Власов А. Н. Образ «пьяницы» в народной литературе Севера (К истории одного эпического сюжета в свете теории игры) // Мужской сборник. Мужчина в традиционной культуре. М., 2001. Вып. 1. С. 152—162.

Еремина и др. 2001 — Еремина В. И., Жекулина В. И., Некрылова А. Ф. История записей и публикации былин Печоры // Былины Печоры: в 2 т. СПб.; М., 2001. (Свод русского фольклора: Былины в 25 т. Т. 1—2). Т. 1. С. 106—117.

Колпакова 1957 — Колпакова Н. П. Новые записи былин на Печоре // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 251—271.

Архивные источники

ФА СыктГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета.

Summary. *This research features Ust-Tsilma bylinas recorded from the words of two singers during Syktuykar State University expeditions in 2005—2007. We made a comparison these variants with earlier recorded bylinas and with texts by their relatives and «teachers».*

Key words: *Ust-Tsilma, epic tradition, bylina, variant, plot, motive, singer, «teacher-learner».*

Э. Г. РАХИМОВА
(Москва)

ЗЛАТОГРУДАЯ КУНИЦА ИЛИ БЕЛКА В ЗИМНЕЙ ШУБКЕ: ЭПИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ В РУНАХ КАЛЕВАЛЬСКОЙ МЕТРИКИ

Аннотация. В статье на материале текстов из различных сюжетно-тематических подгрупп эпоса «Калевала» рассматриваются мотивы и формулы, содержащие упоминание о пушных зверях (белках, куницах, зайцах, лисицах). Подробный анализ позволяет автору выйти на решение теоретических проблем формульного стиля (пределы варьирования/устойчивости устно-эпической формулы) и эпической памяти.

Ключевые слова: эпос, формула, руны калевальской метрики.

Термин *руны калевальской метрики* (kalevalamittaiset runot), сложившийся в финской фольклористике в XX в., обозначает старинные карело-финские изустные песни независимо от их жанровой принадлежности.

Предпринимаемый в первое десятилетие XXI в. анализ поэтики песенных по форме своего бытования рун не может не опираться на достижения устно-формульного подхода М. Пэрри — А. Б. Лорда, с учетом того, как концепция американских эпосоведов была углублена и расширена, — а отчасти и оспорена или уточнена за счет типологического подхода и внимания к жанровому содержанию, — при введении в научный оборот в финской [Harvilahti 1985; 1992; 2004; Харвилаhti 1998] и российской фольклористике [Гацак 1971; 1989; 1994; Путилов 1966; 1997; Селиванов 1990], не говоря уже о гениальных преддвериях формульного и перформансного подходов в трудах второй трети XX в. [Астахова 1938; Чичеров 1948; Nautala 1945; 1947]. Как показывает исследуемый материал, именно словесные обозначения пушных зверьков в строках с синтаксическим параллелизмом можно оценивать как чистые формулы — «группа слов, регулярно употребляемых в тех же метрических условиях для выражения той или иной существенной идеи» [Лорд 1994, 42]. Уточняя знаме-